

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л. М. Воробьёва

О ТРАНСФОРМАЦИИ ЧУВСТВА
ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭЛИТЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ГЕРМАНИИ
И ЕЁ БЫВШИХ СОЮЗНИКОВ ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ РИСИ

№ 1 (24)

Российский институт стратегических исследований

Л. М. Воробьева

**О ТРАНСФОРМАЦИИ
ЧУВСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ГЕРМАНИИ
И ЕЁ БЫВШИХ СОЮЗНИКОВ ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Аналитические обзоры РИСИ

№ 1 (24)

Москва
2010

УДК 94(430)"1939/45"

ББК 63.3(4Гем)62

В 75

В 75

Воробьева Л. М. О трансформации чувства исторической ответственности политической элиты и общественности Германии и её бывших союзников за развязывание Второй мировой войны / Л. М. Воробьева ; Рос. ин-т стратегич. исслед. // Аналитич. обзоры РИСИ. – М. : РИСИ, 2010. – № 1 (24). – 52 с.

ISBN 978-5-7893-0120-3

В обзоре доктора политических наук, ведущего научного сотрудника отдела евроатлантических исследований РИСИ Л. М. Воробьевой рассмотрены обстоятельства формирования гитлеровской коалиции и её подчинения целям нацистской Германии. Прослежен процесс осмысления истории немецкими элитами и трансформации чувства ответственности за развязывание Второй мировой войны. Дан анализ современного состояния этой проблемы. Выявлены факторы, повлиявшие на отношение бывших союзников Третьего рейха к военному альянсу с Гитлером и связанной с ним исторической и моральной ответственностью за участие в преступлениях нацизма.

УДК 94(430)"1939/45"

ББК 63.3(4Гем)62

ISBN 978-5-7893-0120-3

© Российский институт
стратегических исследований, 2010

О ТРАНСФОРМАЦИИ ЧУВСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ГЕРМАНИИ И ЕЁ БЫВШИХ СОЮЗНИКОВ ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Накануне празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войнах не ослабевают усилия фальсификаторов выгородить истинных виновников войны, приуменьшить роль СССР в разгроме фашизма, очернить освободительную миссию Советской армии, подвергнуть сомнению итоги войны. Попытки перетолковать историю предпринимаются не только победителями, но и побеждёнными. Их акции носят сложный, многомерный характер и потому требуют адекватного противодействия содержащимся в них вызовам – идеологическим, информационным, психологическим. При разработке мероприятий по разоблачению фальсификаций и отстаиванию исторической правды важно, в частности, знать, в какой мере элиты и общественность побеждённых стран руководствуются сейчас чувством ответственности за развязанную войну и какие факторы влияют на трансформацию этого чувства.

С этой целью проанализирована трансформация чувства ответственности Германии и её бывших союзников за развязывание Второй мировой войны с учётом интересов РФ в борьбе против фальсификации истории. Для этого были рассмотрены цели и механизм формирования гитлеровской коалиции, показаны мотивы малых и средних стран, побудившие их включиться в переустройство Европы и мира на путях войны. Проанализирован сложный и противоречивый процесс осмысления немецкими элитами и общественностью исторической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны. Оценены результаты этого процесса по состоянию на сегодняшний день. А также выявлены факторы,

определяющие сегодня отношение бывших союзников Германии к участию в гитлеровской коалиции.

Формирование и крах гитлеровской коалиции

Версальский мирный договор унизил Германию, сократил её территорию, подорвал ресурсные и материальные основы её экономической и социальной жизни, дестабилизировал политическую ситуацию. Но он не изменил её империалистической и милитаристской сущности. Несмотря на военную и политическую катастрофу, Германия в лице её элит оставалась всё той же, что и в 1914 г. Прежними оставались и цели (территориальная экспансия, контроль над европейским континентом), реализовать которые не позволило поражение.

Книга Гитлера "Майн Кампф", да и сам её автор так бы и остались историческим и политическим курьёзом, если бы выраженная в ней воля к реваншу не совпала с настроениями и потребностями влиятельных представителей немецкой монополистической касты: хозяев угольных, стальных, химических синдикатов. Динамика развития немецкой промышленности требовала выхода за национальные рамки, к новым территориям, к новым источникам сырья и ресурсов. Оборонительные цели либеральной политической школы (Ратенау, Штресман, Брюнинг) добиться восстановления Германии в границах 1914 г. больше не отвечали императивам конкурентной борьбы с Францией, Великобританией, США. Требовался континентальный прорыв наполеоновского характера. Снова, как и в 1914 г., была востребована "безудержная дерзость" немцев. В этих условиях родился континентальный замысел Тиссена, который предполагал превращение самой Германии в континент и установление над ним своей власти со всеми его внутренними рынками, всем сырьём и всеми ресурсами. Для реализации этого замысла требовались новые идеи, новое внешнеполитическое обеспечение. Их дали Гитлер и главный идеолог национал-социалистской партии А. Розенберг. Они выдвинули идею постверсальской новой Европы. В её основу легла теория расовой империи, или германского союза, который должен был объединить в одном европейско-германском государстве все народы, которые национал-социалисты причисляли

к германской расе: от Голландии до Австрии, от Балтики до Адриатики. Суверенитет и юрисдикция этой империи должны были распространяться на все части света, где живут люди германской расы, вплоть до небольших немецких диаспор в Румынии и Югославии. В рамках такого замысла Германская империя в границах, установленных Бисмарком, могла быть лишь одной из провинций новой расовой империи. План Розенберга предусматривал не возвращение Германии отдельных территорий или исправление границ, а поглощение целых областей и целых зон европейского континента с согласия "германских" народов или без него, путём *аншлюса* или при помощи завоеваний.

Только после того как германская расовая империя начнёт диктовать свою волю всей Европе и всему миру, национал-социалисты могли считать себя готовыми к завоеванию СССР/России и пути в Азию.

Таким образом, приспособив туманное понятие "раса" к требованиям германского промышленного и финансового экспансионизма, Гитлер и Розенберг дали капитанам германского хозяйства – Тиссену, Флику, Круппу и др. новую идеологию. А те, в свою очередь, обеспечили Гитлеру политическую власть и стали выступать на международной арене с опорой на национал-социалистов: их людей, их философию, их лидеров и дипломатов.

"Расовая философия" национал-социалистов имела и антисемитский аспект, хотя он и не был главным. Евреи стали любимым гитлеровским жупелом для агитационных целей. Кроме того, экспроприация евреев позволила гитлеровцам подкупить верхний слой мелкой буржуазии и часть монополистической олигархии, избавив их от еврейской конкуренции. Однако на первом плане всё-таки была практическая реализация тиссеновского континентального плана. Только после того, как США и Великобритания 14 августа 1941 г. приняли Атлантическую хартию, в которой было заявлено, что после войны они не признают территориальные приобретения фашистских держав, Гитлер принял решение о систематическом уничтожении европейских евреев. Они стали заложниками Гитлера в его борьбе с США и "американским сионистским капиталом". Поэтому после капитуляции Германии США выдвинули проблему Холокоста на передний план своей исторической политики.

Пока Германия и её военная машина были ещё слабы, чтобы на путях войны установить контроль над континентальной Европой, широко использовались невоенные методы. Вначале предусматривалось политическое возвышение Германии. Для этого надо было путём хитрости, игре на противоречиях нейтрализовать соперников поодиночке и сделать невозможной создание какой-либо коалиции против Германии. Одновременно ставка делалась на формирование "пятой колонны" сторонников Гитлера в других странах, с тем чтобы с их помощью переориентировать внешнюю политику этих государств на цели Берлина. То есть речь шла о "фашизации" Европы. Этим занимался внешнеполитический отдел национал-социалистской партии во главе с Розенбергом. Это был своего рода генштаб национал-социалистов. Его отделы были сформированы по географическому принципу и носили названия почти всех иностранных государств. Кроме того, в этой структуре действовал мощный экономический отдел. Планировался захват других государств при помощи внутренней политической революции и последующее их объединение с Германией, если речь шла о "германских" государствах. Там, где не было "германских братьев по расе", предусматривалось втягивание таких стран в орбиту политики гитлеровской Германии. При этом экспансия национал-социалистской идеологии тщательно координировалась с экспансией немецких банков и промышленности в экономику соответствующих государств. Таким образом, в клещи гитлеровской политики должны были попасть не только отдельные страны, но и целые географические зоны.

Фашистская активность в Европе чётко обозначилась на юго-восточном направлении (Вена – Будапешт – Белград – София – Бухарест – Чёрное море) и на северо-восточном (Варшава – Ковно – Рига – Таллин – Хельсинки – Балтийское море).

Этот процесс "фашизации" Европы исходил из Берлина, осуществлялся на деньги Берлина и подчинял местные фашистские и профашистские движения воле берлинского центра с его более мощным капиталом и более высокой политической и военной организацией. В перспективе страны, втягивавшиеся в орбиту политики Берлина, должны были стать инструментом для осуществления конкретных международно-политических целей германского национал-социализма. С помощью "фашизации" Европы Гитлер

намеревался свести счёты с Францией и подготовить плацдарм для будущего похода на СССР.

На юго-восточном направлении Берлин использовал дунайский ревизионизм, который в этой зоне являлся лишь псевдонимом фашизма. Главным идеологом дунайского ревизионизма выступала королевская Венгрия, которая по Трианонскому договору между нею и державами-победительницами (4 июня 1920 г.) потеряла 2/3 своей территории. Управлял страной регент – вице-адмирал Миклош Хорти, последний главнокомандующий австро-венгерского флота. Венгрия включилась в борьбу за отмену мирных договоров 1919–1920 гг. для дунайской зоны, которые "искромсали" Венгрию, Австрию, Болгарию, Македонию и Хорватию в пользу "оруженосцев французской политики" – Чехии, Сербии, Румынии. Поскольку в этом регионе не было "германских братьев по крови" и "германского расового движения", которые могли бы выступить за *аншлюс*, Розенберг принял дунайский "воинствующий ревизионизм" весь целиком и признал интересы венгров, хорватов, македонцев. Будапештский блок ирредентистов созрел для мировой политики национал-социализма и принял "покровителя" в лице гитлеровской Германии. В сентябре 1933 г. между венгерским и германским правительствами было заключено политическое соглашение, означавшее политическое, военное и экономическое единение этих двух стран.

Хотя Румыния принадлежала к числу счастливых, облагодетельствованных Версалем, входила в Малую Антанту и Балканскую Антанту, ориентированные на Францию, однако и здесь Берлин обладал орудием для укрепления своих позиций. Это – король Кароль, принадлежавший к династии Гогенцоллернов, и его окружение, выступавшее за перемену фронта в пользу Германии в надежде при её поддержке поглотить Советскую Молдавию. Кроме того, часть королевской свиты была тесно связана с немецкими предприятиями, которые Германия активно продвигала в Румынию. Причём германская экономическая экспансия только набирала силу: Берлин постепенно прибирал к рукам румынскую нефтяную промышленность и хлебную торговлю.

На северо-восточном направлении Польша до поры до времени играла такую же сколачивающую и руководящую роль, как и венгерский ревизионизм в Дунайском регионе. Хотя Польша,

в отличие от Венгрии, была "баловнем Версаля", и всё же её не оставила жажда новых территориальных приобретений с целью создания новой Великой польской империи за счёт Украины, Волыни, средней России, где в 1917 г. были конфискованы имущества польских помещиков и погибли многомиллионные состояния. Польский ревизионизм, так же как и венгерский, был "подобран" и "активизирован" Гитлером. Польша всегда была противницей Востока, и 26 января 1934 г. заключила тайный договор о союзе с Германией, известный под названием "Германо-польский пакт о ненападении". В тот период Гитлер ещё отвергал всякие притязания на Данциг, Западную Пруссию и Верхнюю Силезию. План обоюдной компенсации за счёт огромного "третьего пространства", каким рассматривался Советский Союз, казалось, примирил двух противников, ещё недавно считавших друг друга смертельными врагами.

Другой важной опорой Германии на северо-восточном направлении была Финляндия, а там – лидер финских офицеров и основатель движения "Лаппо" Маннергейм. Бывший полковник русской армии стал фельдмаршалом Финляндской Республики. Он преследовал цель создать Великую Финляндию, которая поглотит Карелию с её обширными лесами и природными богатствами, а на юге утвердит советско-финскую границу в предместьях Ленинграда. После подавления в 1918 г. социалистической революции в Финляндии немецким офицерским корпусом под командованием генерала фон дер Гольца Маннергейм стал ставленником и союзником Германии. Его неизменно вдохновляла идея германской гегемонии в Прибалтике с ним самим в качестве проконсула и конкистадора на Крайнем Севере. Маннергейм хотел провозгласить германского принца Карла Гессенского королём страны, однако этот план провалился. С тех пор Маннергейм непрерывно поддерживал контакты с германским генеральным штабом и германскими военными организациями, а после прихода Гитлера к власти – и с руководством национал-социалистической партии.

Другими своими опорными пунктами на северо-восточном направлении гитлеровские стратеги считали русскую эмиграцию, украинский сепаратизм, литовский фашистский союз "Железный волк", латвийскую фашистскую организацию "Огненный крест" и "Эстонскую лигу борцов за свободу". Причём Эстония, например, была важна не столько как политический фактор сам по себе,

сколько как географическая стратегическая позиция. Южный берег Финского залива, на котором она расположена, мог служить базой для развёртывания военных действий, дополняя северный берег, т.е. Финляндию. И оба эти направления вели к Ленинграду.

Одновременно происходит сближение Германии с другими империалистическими центрами силами – фашистской Италией и милитаристской Японией.

Бенито Муссолини (1883–1945 гг.) с момента его назначения в 1922 г. премьер-министром сумел, опираясь на правительство, состоявшее только из членов фашистской партии, установить в стране диктатуру. Возглавлял режим сам Муссолини – дуче (вождь), в то время как бессильный и безвластный король Виктор Эммануил III выступал лишь в качестве символа власти.

Итальянский фашизм отличался от германского не целями и духом, а своими местными экономическими и социальными особенностями. Так, "расовая доктрина" Розенберга как инструмент территориального расширения и экспансии промышленности не годилась для Муссолини, поскольку за пределами Адриатики не было народов, которые можно было бы отнести к "итальянской" расе. О "латинской" расе также не могла идти речь, потому что это в первую очередь напоминало бы о Франции – сопернице Италии в Средиземноморье.

Не принимал Муссолини и погромного антисемитизма Гитлера. Итальянский фашизм почти не нуждался в антисемитизме. Еврейская конкуренция в Италии, в отличие от Германии, не представляла сколько-нибудь значительной проблемы для мелкой буржуазии. С другой стороны, итальянский фашизм был заинтересован в отечественном еврейском капитале, а в еврейской крупной буржуазии видел очень важного союзника в борьбе с политическими конкурентами из либерального лагеря. Не делая акцента ни на "расовой политике", ни на антисемитизме, итальянский фашизм выдвигал на первый план гитлеровскую идею "корпоративного государства". В целом же тактика итальянского фашизма была гибче и осторожнее, а методы тоньше и больше рассчитаны на западные "либеральные" порядки. Хотя во имя и от имени режима совершалось немало отвратительных преступлений, в том числе и убийств, всё же, по крайней мере до 1943 г., в стране не совершалось столь

бессмысленных по своей жестокости злодеяний, которые были характерны для нацистской Германии.

Как и у Гитлера, у Муссолини также был свой Тиссен – Джузеппе Теплиц, главный директор Банка Коммерциале – по происхождению еврей из Польши. Подобно Тиссену, он также стремился вырваться из узких национальных границ, чтобы завладеть ресурсами других стран и таким образом создать базу для дальнейшей экспансии итальянской экономики. Это стремление галицийского еврея Теплица совпало с самой честолюбивой мечтой Муссолини: восстановить Римскую империю старых императоров.

Одновременно в Азиатско-Тихоокеанском регионе заявил о себе ещё один потенциальный партнёр Гитлера – Япония. Здесь милитаристские силы во главе с генералом Танакой также боролись за "тоталитарное государство", "за единую партию", преследовали коммунистов, разжигали милитаристские страсти, группировали вокруг себя и "воспитывали" националистическую молодёжь и т.д. Основной мотив этой деятельности нашёл выражение в меморандуме Танаки. Он такой же, что и у Гитлера: создание континентальной империи, в данном случае – паназиатской японской империи под лозунгом "паназиатской расовой идеи" и борьбы с Китаем. Но речь шла не только о Китае и не только о Маньчжурии. Япония не имела ни собственного угля, ни железной руды, зато у неё было значительное и быстро растущее население. Её интересы вошли в противоречие с интересами США, Великобритании, Франции и СССР в этом регионе, т.е. странами, которые могли помешать реализации планов Гитлера. В этой ситуации союз Германии и Японии не мог не сложиться, так как был выгоден обеим сторонам с любой точки зрения – стратегической, политической, экономической, официальной.

Воспользовавшись развернувшейся в Китае гражданской войной, Япония к началу 1932 г. оккупировала всю Маньчжурию. Из японских гарнизонов, располагавшихся на полуострове Квантун за линией советско-маньчжурской границы, выросла Квантунская армия как ударная сила, прежде всего, против СССР. Её генералы, начавшие карьеру ещё в годы Русско-японской войны и участвовавшие в военной интервенции против Советской России в 1918–1922 гг., грезили военным походом на СССР. Им мерещилась облегчённая возможность повторения Мукдена, Порт-Артура, Цусимы в расширенном варианте.

После захвата Маньчжурии японские войска вторглись в Центральный Китай и в течение целого ряда лет без объявления войны вели там крупномасштабные боевые операции, истребляя китайское население десятками и сотнями тысяч. Именно тогда среди японцев утвердилось понятие "бревно" для обозначения представителей других народов, с которыми можно было поступать как угодно.

Начиная с августа 1933 г. японские делегации зачастили в Берлин с целью установления "сотрудничества" с лидерами национал-социалистов. "Фёлькишер беобахтер", редактировавшийся лично Розенбергом, начал кампанию в поддержку политики "молодой и сильной Японии". Доказывая справедливость всех требований Японии, он подчёркивал, что эта страна имеет "особую миссию в Азии" (как "германская раса" в Европе) и движима не империалистическими устремлениями, а моральным желанием установить законный порядок в Азии (так же как к этому стремится Гитлер в Центральной Европе).

С середины 1930-х гг. Германия стала активно добиваться союза с Японией, поскольку видела в ней наиболее подходящего партнёра для расчленения СССР посредством согласованных ударов с Запада и Востока. Между Германией и Японией 25 ноября 1936 г. был заключён Антикоминтерновский пакт, дополнявшийся секретным соглашением. Общественности он был преподнесён как оборонительный союз против СССР в условиях опасности, якобы вызванной заключением советско-французского договора о взаимной помощи (2 мая 1935 г.), аналогичного советско-чешского договора (16 мая 1935 г.) и начавшейся гражданской войной в Испании (июнь 1936 г.).

Тем временем европейский послевоенный порядок, сконструированный в Версале в 1919 г., быстрее, чем ожидалось, начал трещать по швам, и скоро выяснилось, что это всего лишь голый фасад. Во всяком случае, крупнейшая континентальная держава Франция не была готова идти на значительный военный риск ради его сохранения. Великобритания, заинтересованная в поддержании равновесия на европейском континенте, считала обоснованными отдельные изменения Версальского договора с учётом интересов Германии. США же были больше озабочены последствиями мирового экономического кризиса и снова ограничились своим глобальный

международно-политический ангажемент. В этих условиях важнейшие импульсы, направленные на разрушение международной системы, исходят из Германии, которая преследует цель вместе с Италией и Японией осуществить передел важнейших сырьевых центров и рынков сбыта и таким образом создать собственные автаркические "великие пространства".

После Мюнхенского соглашения, по сути, развязавшего руки Германии в Центральной и Восточной Европе, Гитлер занялся сколачиванием коалиции для будущего похода на СССР. Он умело использовал территориальные споры между небольшими по размеру центрально- и восточноевропейскими странами, многие из которых в течение предшествующих столетий не имели государственности. Как всякие формирующиеся национальные государства, они стремились к территориальным приращениям и оправдывали свои притязания проживанием своих этнических диаспор в соседних странах. "Исправление" границ, установленных Версальским договором, вело к разжиганию межнациональной розни при одновременном усилении связей с Германией, объявившей о своём стремлении создать новую постверсальскую Европу. По образному выражению Черчилля, эти малые государства играли роль "шакалов", которые стремились оторвать себе часть большой добычи Гитлера. Так, при расчленении Чехословакии Польша захватила Тешинскую область. Венгрия аннексировала Южную Словакию и оккупировала Рутению (ныне Восточно-Словацкая область). А румынский король Кароль стал зондировать в Берлине почву относительно возможных территориальных приобретений в пользу своей страны (Восточная Словакия, Закарпатская Украина), которые, как заверял Кароль, "жизненно необходимы для Румынии".

В мае 1939 г. Муссолини заключил договор о военном союзе с Германией, получивший название "Стальной пакт". Тем не менее он не спешил следовать за своим союзником и до определённого времени воздерживался от враждебных действий против демократических режимов, считая, что Италия ещё не готова к большой войне в Европе.

В 1939 г. в целях уничтожения Чехословакии Гитлер воспользовался существованием сильного словацкого сепаратистского движения. Он вынудил словаков объявить о независимости, угрожая, что в противном случае передаст их земли венграм, которым они

принадлежали до 1918 г. Новое государство не имело иного выбора, кроме как принять немецкое покровительство и стать верным союзником Германии. Президент монсеньор Йозеф Тисо создал однопартийное государство с партийной милицией по подобию штурмовых отрядов в Германии. Когда Гитлер решил расправиться с Польшей, разбившей непомерные, с его точки зрения, амбиции, словацкая армия поддержала немецкое вторжение в эту страну и заняла территорию, которая, по утверждению Тисо, принадлежала Словакии. Это военное сотрудничество положительно повлияло на закрепление за Словакией статуса лояльного союзника Германии и предотвратило поглощение государства Венгрией.

Гитлер в целях формирования блока союзников помимо приписки территориальных компенсаций широко использовал миф о "советской угрозе" и "советском экспансионизме". Пропагандистские атаки, выставлявшие СССР агрессором, особенно усилились, когда Советский Союз приступил к формированию "восточного фронта" против гитлеровского нашествия и ослабил стратегические позиции Германии, включив в этот "восточный фронт" территории, необходимые для обеспечения безопасности Ленинграда (советско-финляндская "зимняя война"), прибалтийские страны, Западную Белоруссию и Западную Украину, Бессарабию и Северную Буковину. Развернувшаяся по этому поводу пропагандистская война против СССР как-то плохо вписывается в современные утверждения о существовании "секретных протоколов" и разделе сфер влияния между Германией и СССР.

Этим утверждениям противоречат и действия Германии по "урегулированию" спора между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании, который нацисты активно раздували. Летом 1940 г. он уже грозил перерасти в военные действия. Несмотря на верно-подданнические демарши правителей Румынии, министры иностранных дел Германии и Италии Риббентроп и Чиано 30 августа 1940 г. продиктовали в Вене свои решения. Они вошли в историю под названием "Второй Венский арбитраж". По нему Румыния потеряла северную часть Трансильвании общей площадью 43 тыс. кв. км с населением 2,6 млн человек. Одновременно в Румынию была отправлена германская военная миссия, которая должна была "преградить путь вторжению советских войск в Румынию, а также советскому экспансионизму в направлении Юго-Восточной

Европы". Во всяком случае, запугивая одновременно и Бухарест, и Будапешт "вероятным русским наступлением", Германия действовала таким образом, что возникают сомнения в отношении существования так называемого "пакта Молотова – Риббентропа". Благодаря Венскому арбитражу Германия поставила себе на службу не только экономический (нефть), но и военный потенциал Румынии, а сама Румыния стала для Гитлера плацдармом для наступления на Восток. Кроме того, "арбитражное решение" явилось обычным актом нацистской дипломатии, который обеспечил вербовку сообщников для агрессии против СССР. Оно дало Гитлеру мощное средство давления на Румынию и Венгрию путём использования Трансильвании в качестве яблока раздора между ними, тогда как на самом деле эта территория считалась сферой интересов Третьего рейха.

После вторжения германской армии в Югославию в апреле 1941 г. венгерские войска оккупировали ряд спорных югославских районов. Таким образом, Венгрия возвратила многие из своих утраченных территорий, но в результате столкнулась со всё возрастающим отчуждением всех своих соседей и стала полностью зависимой от поддержки Германии.

Румыния же, потерявшая значительные территории (Бессарабию, Северную Буковину, половину Трансильвании, Южную Добруджу, отошедшую Болгарии), не сомневалась, что может вернуть их и даже ещё больше расшириться за счёт украинских территорий, вступив в союз с нацистской Германией. Так, во всяком случае, считал генерал Ион Антонеску, ставший "кондукэтором" (т.е. вождём, лидером) после отказа короля Кароля от трона в пользу своего сына Михая.

Когда Германия за короткий срок добилась решающего перевеса в войне с Францией, которая оказалась на грани поражения (в Первую мировую войну это не удалось сделать за четыре года), Муссолини решил, что настало его время. Он посчитал, что, оставаясь в стороне, Италия рискует не войти в число победителей, а значит, не будет допущена к дележу добычи. Италия объявила войну Франции и Великобритании 10 июня 1940 г. и начала наступление в глубь французской территории в Западных Альпах и вдоль средиземноморского побережья.

Германия 27 сентября 1940 г. заключила с Италией и Японией Берлинский пакт о военно-политическом сотрудничестве

сроком на 10 лет. По этому пакту Япония признавала "руководящую роль Германии и Италии в создании нового порядка в Европе", а Германия и Италия – "руководящую роль Японии в создании нового порядка в великом восточноазиатском пространстве". В тексте соглашения подчёркивалось, что три страны "будут поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами".

В Европе с мая 1941 г. итальянские войска исполняли главным образом функции оккупационных сил. На Балканах (в Югославии, Албании, Греции, на многочисленных греческих островах), в Южной Франции и на французском острове Корсика они несли большие потери в ходе боёв с партизанскими формированиями и отрядами борцов движения Сопротивления.

С осени 1940 г. до лета 1941 г. к Берлинскому пакту присоединились Румыния, Венгрия, Болгария, Словакия и Хорватия. Финляндия заключила с гитлеровской Германией двустороннее военное соглашение. Формально она оставалась нейтральной, но разрешила немецким частям свободный проход по своей территории, а также принимала участие в военном планировании.

При разработке плана "Барбаросса" Гитлер учитывал поддержку и финнов, и румын, которые были извещены о его намерениях заранее.

Все участники Берлинского пакта хотели решить свои территориальные вопросы с опорой на Германию, а если та одержит победу – то в том числе и за счёт СССР. Гитлер с иронией относился к территориальным претензиям своих вассалов на советские земли, поскольку они принципиально противоречили его целям. В то же время он поддерживал их иллюзии в отношении будущей богатой добычи. В узком кругу он говорил, что не следует раскрывать своих целевых установок перед всем миром. Но при этом немцам самим должно быть ясно, что из завоёванных областей они никогда не уйдут. Высказывание Гитлера в отношении Румынии проливает свет на то, как он собирался строить отношения с союзниками после завершения кампании. В настоящее время, говорил Гитлер, отношения с Румынией хорошие, но никто не знает, как они сложатся в будущем. Поэтому границы следует устраивать таким образом, чтобы не ставить Германию в зависимость от благожелательства третьих государств.

Словакия стала одним из первых союзников Германии, объявившим войну СССР. Хотя у Венгрии складывались нормальные отношения с СССР, однако Хорти чувствовал себя обязанным помогать немцам. Это давало ему гарантию, что Румыния не добьётся возвращения себе Трансильвании. Венгрия вступила в войну только после того, как получила формальный повод: таинственный воздушный налёт.

Муссолини был убеждён, что участие Италии в войне против СССР принесёт ей необходимый престиж и территориальные выгоды. Поэтому сразу же он направил на советско-германский фронт 62-тысячный Итальянский экспедиционный корпус, а в марте 1942 г. – ещё семь дивизий, составивших 8-ю Армию. Участие в широкомасштабных действиях сразу на двух фронтах – Западном (Северная Африка и Балканы) и Восточном – против СССР намного превышало возможности Италии с её весьма скудными ресурсами. Потери на советско-германском фронте были непомерными для Италии, однако они не имели большого значения для обеспечения победы стран "оси" ввиду гигантского масштаба сражений на Восточном фронте.

Гитлер придавал большое значение вступлению Японии в войну с СССР. Несмотря на заключённый с Советским Союзом договор о нейтралитете, японский генеральный штаб вёл интенсивную подготовку к захвату советского Дальнего Востока и Сибири. Первоначальное намерение начать войну против СССР 29 августа 1941 г. не было осуществлено в связи с возникшими у японских военачальников большими сомнениями в способности вермахта нанести поражение СССР в том же 1941 г., а также из-за краха надежд на массовую переброску советских войск с Дальнего Востока на советско-германский фронт. В то же время вступление Японии в войну с США, ознаменованное внезапным нападением на американскую военную базу Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., явилось большим облегчением для Германии. Теперь японские вооружённые силы отвлекали на себя часть англо-американских сил, которые можно было бы использовать в Европе. Кроме того, особо важную услугу Япония оказывала своим союзникам тем, что в самое тяжёлое для СССР время 1941–1942 гг. вплоть до коренного перелома в войне в 1943 г. она угрожала СССР вторжением с востока. В связи с этим Советский Союз был вынужден постоянно держать для

охраны дальневосточных границ значительные воинские подразделения, которые при иных обстоятельствах можно было бы направить на советско-германский фронт.

Только Болгарии удалось избежать вступления в войну.

На первых этапах реализации плана "Барбаросса" сильные финские и румынские войска продвигались вперёд плечом к плечу с германскими и вместе со значительно меньшими по численности воинскими контингентами из Венгрии, Италии и Словакии.

Ещё до начала войны финны совершенно чётко дали понять, что единственной целью их участия в нападении на СССР будет возврат территорий, которые они потеряли в результате "зимней войны". Своё участие в боях на советско-германском фронте они называли продолжением "зимней войны". Поэтому, достигнув своей границы 1939 г., они остановились и отказались идти дальше. Поскольку людские и экономические ресурсы Финляндии были крайне невелики, то она не могла позволить себе длительную военную кампанию. К тому же к декабрю 1941 г., после поражения немцев под Москвой, окончательная победа Германии в войне стала вызывать сомнения. Поэтому Маннергейм решил стабилизировать линию фронта, которая оставалась фактически неизменной до июня 1944 г., т.е. до контрнаступления Советской армии.

Что касается Румынии, то, как справедливо отмечал американский историк А. Даллин, среди всех союзников и сатрапов рейха Антонеску наиболее активно готовился к нападению на СССР. Румыния вступила в войну на Востоке в поисках славы и "справедливости", но больше – "из-за духа стяжательства и реваншизма". Как явствует из документов германского МИД, нацисты безо всякого труда, ценой территориальных посулов "уговорили" румынского диктатора пересечь сначала Днестр, затем Днепр и дойти до Сталинграда и Северного Кавказа. Из всех союзников Германии румынская армия была самой большой по численности, а Антонеску – самым лояльным союзником нацистов. По первому требованию он отправлял на фронт всё новые и новые войска. Причём он меньше, чем любой другой союзный Германии лидер, имел возможность контролировать использование своих войск.

В конце 1942 г. участие союзных армий в войне было наибольшим, они составляли около четверти всех дивизий стран "оси" на

советско-германском фронте и, за исключением финских войск, были сконцентрированы в группе армий "Юг".

Немцы признавали, что на севере финны оказались выше всех похвал, а венгры, итальянцы, румыны и словаки хорошо проявили себя во многих боях. Однако на заключительных стадиях войны немцы утратили весь свой энтузиазм по отношению к союзным армиям. Моральный дух солдат, первоначально высокий в ожидании лёгкой кампании, сменился неверием в победу. В основной своей массе эти армии не желали воевать и держались только на ограниченном количестве фанатически настроенных добровольцев, которых они сами вооружали, экипировали и рассредоточивали по всему фронту.

Эти годы (1943–1944) были ознаменованы разрывом союза стран "оси".

После Курской битвы японское руководство поняло, что военное поражение Германии неизбежно, и потому отказалось от захвата Дальнего Востока. На Тихом океане осенью 1943 г. Япония перешла к стратегической обороне ещё до того, как вооружённые силы США приступили к проведению крупных наступательных операций.

Англо-американские союзные войска высадились на Сицилии 10 июля 1943 г. и уже 25 числа после двадцатилетнего господства в стране пал режим Муссолини, а сам свергнутый диктатор впоследствии (в 1945 г.) был казнён. Италия дважды подписала акты о капитуляции – вначале на Сицилии (3 сентября 1943 г.), затем – на Мальте (29 сентября). А 26 сентября 1944 г. между Италией, Великобританией, США и СССР было подписано соглашение, в соответствии с которым Италия присоединялась к Атлантической хартии и Декларации Объединённых наций. Согласно ст. 2 этого соглашения итальянские наземные, морские и воздушные силы стали осуществлять сотрудничество с союзниками на основе специальной военной конвенции, а не акта о капитуляции, как это было прежде. Итальянским вооружённым силам было разрешено без ограничения участвовать в войне против Германии. После вступления в силу данного соглашения полностью восстановились дипломатические отношения Италии с правительствами Великобритании, СССР, США и возобновлялся обмен послами.

Соглашение действовало до завершения войны с Германией. После этого с Италией был подписан мирный договор.

В ходе контрнаступления Советской армии на севере финны потеряли территории, возвращённые во время "продолжения войны", и заговорили о мире. Преследуя цель добиться выхода Финляндии из войны, Маннергейм 5 августа 1944 г. заключил союз с СССР и потребовал вывода немецких войск с территории этой страны. К концу 1944 г. немцы отошли в Северную Норвегию. В ходе этого отступления им пришлось выдержать несколько столкновений с финскими войсками.

После разгрома румынских войск в результате Яско-Кишинёвской операции Советской армии король Михай арестовал Антонеску (в 1946 г. он был предан суду и казнён), и Румыния присоединилась к антигитлеровской коалиции. После некоторого колебания советские военачальники решили использовать румынские формирования на фронте. Всего Румыния потеряла 350 тыс. человек на Восточном фронте, а в конце войны – ещё 170 тыс. в боях с немецкими и венгерскими войсками.

Словаки подняли восстание против немцев. Оно закончилось неудачей, и Словакия из союзника Гитлера превратилась в оккупированную немцами страну, которая была освобождена советскими войсками.

Только Венгрия до прихода Советской армии оставалась союзником Германии. Теперь румыны и венгры оказались в разных лагерях. Их формирования, наэлектризованные взаимной ненавистью, воевали друг с другом гораздо более энергично, чем каждое из них в отдельности против советских войск.

В декабре 1944 г. в Венгрии профашистское правительство пало, и при поддержке советских войск к власти пришло новое правительство во главе с генералом Миклошем. Венгерские добровольцы сформировали отделения, а позднее – батальоны в составе советских дивизий, а также венгерский добровольческий полк "Буда" численностью 2,5 тыс. человек. Новое правительство пообещало выставить в помощь советским войскам восемь дивизий. На фронт попала только одна, да и то слишком поздно, чтобы принять участие в боевых действиях.

О трансформации чувства ответственности элит и общественности Германии за развязывание Второй мировой войны

После безоговорочной капитуляции Германии, за которой последовала оккупация страны державами-победительницами, немцы испытывали сложный комплекс чувств.

Прежде всего – это облегчение, что страшная война закончилась, но одновременно и осознание того обстоятельства, что Германии как великой державы после такого катастрофического поражения больше нет. Профессор христианского мировоззрения, религии и теории культуры Мюнхенского университета Ханс Майер (1931 г. рождения) вспоминает, как в последние дни войны встретил в разбомблённом Фрайбурге своего старого учителя. Тот сказал сквозь слёзы: "Война проиграна, Третий рейх разрушен, но также и рейха Бисмарка больше нет, а с ним и немецкого единства – страстного желания всех добрых немцев". Поражение Германии он воспринимал как конец немецких возможностей и немецкой истории вообще.

Другими чувствами, которые испытывали немцы в поверженной Германии, были апатия, сильный страх перед будущим, самосострадание. Только чувства вины за произошедшее никто из наблюдателей не заметил. Английский писатель Стефен Спендер обратил внимание на апатичное состояние немцев. По его мнению, это был лишь поверхностный симптом, за которым скрывалось что-то угрожающее. Ханна Арендт (немецкий философ еврейского происхождения) в своём "Отчёте из Германии" назвала поведение немцев странным. Она увидела в нём стремление бежать от действительности и тем самым также от своей ответственности за совершённые преступления. На фоне равнодушия, которое охватило немецкое общество, ей бросилось в глаза исключительное сострадание немцев к самим себе.

Этим чувством самосострадания проникнуты и современные публикации немецких авторов (особенно консервативного направления), посвящённые тому времени. В них объясняется, почему тогда 8 мая 1945 г. воспринималось не как освобождение от национал-социализма прежними противниками, а прежде всего как поражение, которое не может быть поводом для праздника. Хотя бомбы

больше не падали и началось медленное возвращение от выживания к жизни, немцы в полной мере испытали ужасные последствия войны. Многие умерли в последующие после 8 мая месяцы от голода, лишений, болезней. Только во время "диких изгнаний" из освобождённых Чехословакии, Польши, Венгрии погибло, согласно данным Статистического федерального ведомства, более 2 млн человек. Затем последовало массовое и организованное (т.е. в соответствии с решением Потсдамской конференции и законодательными актами Чехословакии, Польши, Венгрии, РСФСР) переселение 9 млн немцев из мест своего многовекового проживания в оккупационные зоны Германии. Эта акция была воспринята в Западной Германии как "изгнание с родины", а сам термин, в котором слышится несогласие с решением держав-победительниц, прочно вошёл в политический и юридический лексикон ФРГ.

Всю тяжесть поражения испытали и немецкие солдаты, оказавшиеся в плену. К началу 1945 г. число военнопленных достигало приблизительно 2 млн человек. После капитуляции оно выросло до 11 млн. Более чем 2/3 из них находились в ведении западных держав, остальная часть – у советских оккупационных властей. К началу 1947 г. западные союзники отпустили на свободу подавляющее большинство немецких военнопленных. К концу 1949 г. около 2 млн солдат, остававшихся в лагерях для военнопленных, также полностью вернулись к гражданской жизни. Только в Советском Союзе оставалось ещё 30 тыс. военнопленных, которые вернулись в ФРГ в 1956 г.

Профессор Мюнхенского университета Х. Майер задаёт сегодня вопрос: как могли побеждённые, взятые в плен, подвергнувшиеся изнасилованию, лишённые имущества, изгнанные с родины, находившиеся под угрозой смерти (а в таком положении тогда были миллионы немцев) осознать, что они были "освобождены"?

Если Х. Майер и сейчас делает акцент на страдания своих соотечественников, то Х. Арендт по свежим следам отмечала совсем другое. "Это – живые призраки, – пишет она, – которых больше нельзя тронуть ни словом, ни аргументами, ни взглядом человеческих глаз, ни скорбью человеческих сердец". Вместо этого даже по прошествии значительного времени среди немцев наблюдалась явная склонность взваливать вину за все бедствия послевоенного периода на оккупационные власти. Осознание того, как они вообще

оказались в таком положении, уже через два года после войны повсюду сменилось забыванием. Более 40 % западных немцев, согласно опросам по состоянию на 1951 г., считали Третий рейх лучшим временем своей жизни.

По мнению немецкого историка Свены Голтерманн (1965 г. рождения), многое в этой картине послевоенного времени до сих пор не изменилось. До сих пор авторы современных исторических исследований обращают внимание на то, что в течение многих лет немцы неоправданно замалчивали случаи массового уничтожения людей и жестокости войны, и делают вывод об их бесчувственности и беспамятности, которые помогают вытеснить из памяти неудобные и порочащие факты. В то же время немцы не забывали и нисколько не забывают *о своих собственных* страданиях в ходе войны и после неё. Это дало основание исследователям говорить о "селективном воспоминании" и "риторике виктимизации" (*victim* – жертва). Нюрнбергский процесс способствовал тому, что большинство немцев смирились с фактом немецкой вины в развязывании Второй мировой войны, но произошло *это* ценой выделения сравнительно небольшой группы "главных военных преступников" – теми, кого удалось арестовать и предать суду. Позднее, в рамках распространявшихся в конце 40-х – 50-е гг. толкований Третьего рейха с позиций теории тоталитаризма, вся вина за войну и поражение была переложена на Гитлера и узкий круг национал-социалистского руководства..

В особенности процесс денацификации, инициированный оккупационными властями, убедительно продемонстрировал, что немцы всячески стремились уйти от личной ответственности за развязанную войну. В послевоенной Германии развернулось настоящее соревнование оппортунистов, отпирающихся, не желающих признавать свою собственную вину. Происходило это в условиях страха, парализовавшего немецкое общество и особенно немецких солдат, возвратившихся с Восточного фронта. Часть из них стала клиентами психиатрических клиник. Их мучили мании преследования, страхи в отношении русских. По-видимому, они хорошо знали о преступлениях, совершённых на Востоке, чтобы бояться наказания со стороны советских оккупационных властей гораздо больше, чем любой кары западных союзников. Поэтому некоторые добровольно отдавали себя в руки американских и британских

учреждений. В советские – с повинной не приходил никто. Многие, в особенности это касалось национал-социалистских функционеров, кончали жизнь самоубийством. Если после Первой мировой войны немецкие солдаты в прощальных письмах героизировали своё самоубийство (они не могли вынести позора поражения), то после Второй мировой войны главным мотивом было избежать возмездия победителей. Сказывались и пропагандистские акции Геббельса: многие женщины кончали жизнь самоубийством ещё до прихода советских войск, чтобы избежать якобы угрожавших им изнасилований.

Поскольку "настоящие" преступники были осуждены Нюрнбергским судом, то остальные эпизоды квалифицировались самими немцами как "придирки оккупационных властей". Поскольку в рамках процессов по денацификации предоставлялась возможность собственной защиты, миллионы людей предпринимали лихорадочные усилия, чтобы представить как можно большее число свидетельств для снятия обвинения. Главной целью тех, кто якобы "ничего не знал", было вынесение комиссиями по денацификации вердикта, что они были "попутчиками". Очень скоро процесс денацификации слился с процессом реабилитации. Суть этого феномена немецкий политолог Лутц Нитхаммер выразил ёмким выражением "фабрика по производству попутчиков". Это понятие передаёт как содержание, так и масштабы формально осуществлявшейся денацификации. Фактор "холодной войны" во многом способствовал тому, что западные союзники скоро оказались перед необходимостью решать другие задачи. Поэтому процесс денацификации был скомкан и проведён в формальном режиме. Не последнюю роль здесь, конечно, сыграло и сопротивление самих немцев. В конце 1948 г., когда процессы в западных оккупационных зонах были прерваны, только 1670 человек были признаны главными виновниками и приблизительно 23 тыс. виновными. Если говорить об обобщающих итогах, то в тот период они были облечены в крылатое выражение "денацификация есть ренацификация". По этому поводу немецкий политолог Йозеф Йоффе писал: "Теперь вчерашние преступники становились завтрашними союзниками, старые элиты возвращались спокойно и тихо на своё привычное место, несправедливость не была устранилена, а была законсервирована".

В "эру Аденауэра" – первого канцлера ФРГ, персонифицировавшего образ отца и даже деда, процесс осмысления нацистского прошлого был отложен. В 1949 г. был принят закон об амнистии, который открыл многочисленным чиновникам и кадровым военным Третьего рейха путь в государственные структуры и в заново формирующуюся армию. Аденауэр отказался от дальнейшего уголовного преследования нацистов со ссылкой на желательность умиротворения общества и политической стабилизации. В середине 1950-х уже почти никто не опасался преследований со стороны государства и судебных органов. Кроме того, на свободу вышли и многие из тех, кто в 1945–1949 гг. был осуждён в рамках Нюрнбергских процессов или военным судом союзников за военные либо нацистские преступления. Среди них были и генерал-фельдмаршалы фон Лееб и фон Кюхлер, превратившие блокадный Ленинград в "гигантский лагерь смерти", но оправдывавшие себя тем, будто блокада была средством "нормальной войны".

Отход от национал-социализма в Западной Германии проходил медленно. Убеждённые сторонники Гитлера, неисправимые нацисты и осуждённые преступники даже смогли учредить Социалистическую партию рейха, которая была запрещена в 1952 г. В то же время демократические партии (СДПГ, ХДС/ХСС, СвДП), придерживавшиеся принципов принятого Основного закона, не только довольно чётко дистанцировались от национал-социализма, но и пытались как можно раньше различными способами привлечь на свою сторону дезориентированных граждан: миллионы бывших членов нацистской партии, прежних солдат вермахта, изгнанных. В то же время руководству партий приходилось учитывать, что в публичной жизни абстрактное отторжение Гитлера сопровождалось слабой склонностью немцев ставить конкретные вопросы, касавшиеся их собственной ответственности или вины, не говоря уже о том, чтобы отвечать на эти вопросы. По мнению немецкого политолога Харальда Бергсдорфа (1966 г. рождения), было бы аполитично предполагать, что демократические партии могли после 1945 г. в массовом порядке морально осудить миллионы "попутчиков" и лиц, вина которых была сравнительно незначительна. Введение "политического карантина" в отношении миллионов сторонников нацизма было бы, с точки зрения Х. Бергсдорфа, не только невозможно, но и не совместимо с принципами

государственной правовой демократии. При известных обстоятельствах такое обособление питало или даже вызвало бы вражду в отношении ФРГ, чего политики, конечно, допустить не хотели. Их позицию Х. Бергсдорф оправдывает необходимостью различать убеждения и действия, тем более что экстремистское мышление только при определённых обстоятельствах перерастает в экстремистские действия (в том числе и на выборах).

В условиях абсолютной тишины вокруг нацистского прошлого ФРГ была успешно интегрирована в НАТО, ЗЕС и ЕЭС, пережила "экономическое чудо". Она переместилась в центр конфликта между Востоком и Западом, стала наиболее "продвинутой" базой США по сдерживанию "советской угрозы", "ударной силой НАТО", если говорить пропагандистским языком того времени. Эмблемой ФРГ стали антикоммунизм и антисоветизм. Компромиссы с СССР или ГДР считались аморальными. Лозунгами предвыборных кампаний были "Безопасность!" и "Никаких экспериментов!". Такая негибкая и незаинтересованная политика не была личным изобретением Аденауэра. Многие определяли императивы и логика "холодной войны". Немецкий писатель Томас Манн называл Западную Германию любимой американской колонией, которая после позорных дел добилась дерзкого и аморального благополучия. С раздражённым презрением он писал о Германии Аденауэра, которая безоговорочно сдалась Соединённым Штатам Америки и на федеральных выборах 1953 г. "из культа фюрера и стремления к благосостоянию выбрала третью мировую войну".

В ФРГ завеса молчания о нацистском прошлом была приподнята в 1960-е гг. Приметами того времени были создание "большой коалиции" – ХДС/ХСС – СДПГ, строительство Берлинской стены, формирование внепарламентской оппозиции. Важный импульс для осмысления прошлого в ФРГ дали процессы над Эйхманом в Иерусалиме (1961–1962 гг.), над палачами Освенцима во Франкфурте (1963–1964 гг.), другие крупные процессы против бывших национал-социалистов, а также споры о сроках давности в бундестаге. Благодаря этим процессам, а также деятельности внепарламентской оппозиции, тема фашизма, исторической и персональной вины немцев получила общенациональное звучание, затронув все слои общества и все возрастные группы. Она не обошла стороной и немецкую семью, где проявилась в конфликте

поколений: молодое поколение стало ставить вопросы о доле вины своих отцов и об их соучастии в преступлениях национал-социализма. Смена поколений актуализировала проблему критической проработки прошлого. Правда, возникшее в 1960-е гг. представление о "непреодоленном прошлом" явилось причиной многочисленных протестов людей, прежде поддерживавших национал-социализм или даже активно проводивших его политику. В то же время "поколение 1968 г." во многом способствовало смене подходов к истории Германии времён национал-социализма. Прошлое больше не замалчивалось и не вытеснялось, но то, как оно освещалось, всё же не мешало этому прошлому по-прежнему существовать в скрытом виде.

В 1970-е гг. "новая восточная политика" первого социал-демократического канцлера Вилли Брандта, способствовавшая нормализации отношений с СССР, ГДР, Польшей, Чехословакией, предполагала также открытое критическое обсуждение преступлений национал-социализма и признание ответственности немцев. В то же время наблюдалась тенденция поиска интеллектуалами и политиками "благополучной" истории как основы для формирования немецкой идентичности. А это нередко провоцировало попытки "нормализации" национал-социализма по отношению к современности. То есть мир должен был увидеть и понять, что современные немцы – уже другие, что они извлекли уроки из прошлого. Для этого была необходима соответствующая символика, которая маркировала бы такую нормализацию: символические решения, памятные речи, создание монументальных памятных мест, организация выставок, открытие исторических музеев и т.д. Пример подал Вилли Брандт, преклонивший колени перед мемориалом жертв национал-социализма в бывшем Варшавском гетто. Этот эпизод, который должен был символизировать разрыв с прежним курсом западно-германской внешней политики и просьбу о прощении от имени немецкого народа, поляризовал немецкое общество. Со временем он стал активно используемым пропагандистским штампом, который приветствуется левыми как символ политики примирения, основанной на моральных принципах, а представителями правых до сих пор воспринимается как фарс.

В середине 1970-х гг. возникают ритуально-риторические нормы осмысления прошлого. Ссылки на нацистский период прочно

входят в репертуар политической риторики. Осмысление истории, как свидетельствует Йозеф Йозеф, приобретает масштабы индустрии. Появляются книги под бесконечно однообразными названиями "Третий рейх и...". В результате абстрактная ритуализация воспоминания притупляет восприятие совершённых преступлений и ведёт к забыванию. Это обуславливает противоречивость культуры воспоминания в ФРГ, поскольку в ней соседствуют воспоминание и забывание. А за ними скрывается весь спектр политических прагматических мотивов: от "страха вины" до "обязанности помнить". В связи с этим возникает вопрос, насколько искренна такая политика и сколько в ней оппортунизма.

Во всяком случае, оппортунизм исторической политики ФРГ проявился в следовании канонам США в трактовке событий Второй мировой войны, в частности в признании уникальности Холокоста и толковании дня 8 мая 1945 г.

В 1970-е гг. в ФРГ усилилась тенденция к отрицанию и преуменьшению масштабов уничтожения евреев и к сомнению в существовании газовых камер. Подобные умонастроения (типичные главным образом для представителей консервативных кругов) получили название "ревизионизма", или "негативизма". В 1978 г. по телевидению ФРГ был показан четырёхсерийный американский фильм "Холокост", который потряс сознание массового зрителя и привнёс изменения в официальную историческую политику. Общество немецкого языка объявило "Холокост" словом, появившимся в 1979 г. В 1985 г. в ответ на продолжавшиеся попытки ревизионистов подвергнуть сомнению Холокост был принят закон "О лжи об Освенциме" с дополнениями от 1992, 2002 и 2005 гг., согласно которым отрицание Холокоста преследуется в ФРГ по закону. В 2005 г. в центре Берлина был возведён мемориал Холокоста в версии американского архитектора Айзерманна (2700 бетонных стел). О том, как отозвалось в сердцах военного поколения немцев решение о сооружении такого памятника, можно судить по высказыванию известного в Германии писателя Мартина Вальзера. Говоря о памятнике на стадии его проектирования, он выразил протест против рутинной практики обвинения немцев, против длительной презентации их позора и предоставления в распоряжение болтливой пропагандистской машины самого страшного события человеческой истории. Проект памятника в версии Айзерманна он

назвал монументализацией позора и выразил своё отрицательное отношение к "бетонированию центра столицы кошмаром, величиной в футбольное поле". Но это ещё была и монументализация последнего извинения, чтобы одним ударом (мемориал обошёлся в 40 млн евро) подвести черту, поставить точку. Сегодня, отмечает газета "Зюддойче цайтунг", между стелами мемориала резвятся дети, не получившие представления о том, чем Холокост был в действительности. А немецкое государство стало тем временем объектом горькой укоризны со стороны поляков, живущих вблизи бывшего лагеря смерти Собибор, уничтожившего 250 тыс. евреев и иронично называемого местным населением "культурным наследием немцев". Никакой поддержки, ни даже цветка это памятное место, ставшее известным общественности в связи с процессом над Джоном Демьянюком, от немецкого государства не получило.

Президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер 8 мая 1985 г. произнёс в бундестаге речь по случаю сорокалетней годовщины окончания войны. Она ознаменовала смену вех в восприятии 8 мая 1945 г. Этот день, который в течение десятилетий был связан в сознании немцев с поражением и никак не мог считаться праздником по случаю воспоминания о конце войны, теперь толковался как день освобождения немецкого народа от человеконенавистнической системы национал-социалистского насильственного господства. Примечательно, что некоторые немецкие историки восприняли эту речь в контексте внешнеполитических акций США, транслирующих в мир американское видение Второй мировой войны. Дело в том, что годом прежде, т.е. в 1984, западные союзники впервые широко и с масштабным сопровождением в средствах массовой информации отпраздновали день своей высадки в Нормандии. Президент США Р. Рейган в ходе борьбы за своё переизбрание использовал эту дату, чтобы воздать должное гордости ветеранов за успешную высадку и последующую победу над нацистской Германией, решающий вклад в которую внесли, по официальной американской версии, США.

Слово Р. Вайцзеккера об освобождении от национал-социализма, конечно, было не только актом следования в фарватере американской политики и выражения благодарности США за освобождение, но и попыткой пересмотреть сложившиеся у западных немцев стереотипы восприятия послевоенного прошлого. Двадцать лет назад (в 1965 г.) Р. фон Вайцзеккер констатировал: "8 мая для

нас немцев – это не день для праздника. Времена изменились. Те, кто сами пережили этот день, будут иметь на этот счёт свои собственные мысли и не захотят иметь ничего общего с таким способом поминания". Новый подход, предложенный в 1985 г., стал ключевым для трактовки 8 мая 1945 г. Отклонение от этой позиции с растущим негодованием отвергалось представителями организаций жертв нацизма, поскольку в этом усматривали фашистские тенденции.

Профессор новейшей истории в Свободном университете Берлина Хенниг Кёлер (1938 г. рождения) воспринял фразу Р. Вайцзеккера об освобождении как акт "субтильной исторической памяти". Ибо такое толкование истории не соответствовало действительности и явилось прежде всего ответом на веяния времени: западногерманские интеллектуалы стремились к формированию новой исторической идентичности немцев в процессе создания желаемого образа антифашистской Германии, который не противоречит тезису об освобождении. Поскольку, как подчёркивает Х. Кёлер, после войны широкого антифашизма в Германии не было, то после речи Вайцзеккера, который стал иконой левых, начал культивироваться виртуальный антифашизм. По мнению Х. Кёлера, в мае 1945 г. немцы были к освобождению не способны и не готовы. Освободили они себя в результате длительного процесса обучения, благодаря упорной работе по восстановлению и развитию экономики, благодаря укоренению стабильной демократии.

Речь Вайцзеккера зафиксировала и новый поворот в отношении немцев к осмыслению истории, который был связан с приходом к власти в ФРГ в 1982 г. консервативно-либеральной коалиции (ХДС/ХСС – СвДП) во главе с канцлером Г. Колем. Он, в частности, заявил, что его поколение намерено сосредоточить своё внимание на будущем, потому что по милости судьбы оно родилось после гитлеровской тирании и, в отличие от своих предшественников, неотягощено грехами нацистского прошлого. В таком же духе высказался и соратник Г. Коля по партии Альфред Дреггер. Он, например, заявил, что настало время для всех немцев выйти из тени Гитлера и стать нормальными. Символическим событием, которое должно было ознаменовать и зафиксировать возвращение немцев к нормальности, стало посещение в 1985 г. канцлером Г. Колем и президентом США Р. Рейганом немецкого военного кладбища

в Битбурге, где были похоронены военнослужащие "СС". Это посещение было приурочено к 40-й годовщине капитуляции Германии и несло достаточно чёткую смысловую нагрузку. Её суть состояла в том, что похороненные на кладбище уже предстали перед высшим судьёй, и люди не должны притязать на то, чтобы выносить суждения и свой приговор о других. Отсюда напрашивался вывод: негативная история заканчивается со смертью носителей осуждаемых действий.

Тема нормальности и преодоления немцами негативных аспектов своей истории получила дальнейшее развитие в "споре историков".

В центре дискуссии оказались два вопроса. Первый – как следует относиться к преступлениям германского фашизма (т.е. правомерно ли их считать "особыми", "единственными в своём роде" или они вполне сопоставимы с другими преступлениями, имевшими место в истории человечества)? И второй – в чём причины Второй мировой войны и кто виноват в её возникновении?

Главными противниками в споре выступили профессор Свободного университета Эрнст Нольте и философ Юрген Хабермас. Первый представлял подходы западногерманского "остфоршунга", восходящие к гитлеровским пропагандистским штампам. Ему ассистировали его единомышленники: Андреас Хиллгрубер, Йоахим Фёст, Юрген Хильдебранд и советник тогдашнего канцлера ФРГ Г. Коля Михаэль Штюмер. На сторону Ю. Хабермаса, который выступал с левоцентристских позиций, встали историки Ханс Моммзен, Эберхард Йеккель, редактор журнала "Шпигель" Рудольф Аугштайн и др.

По мнению Э. Нольте, преступления нацистов являлись "азиатскими действиями", которые можно объяснить и понять лишь на фоне других преступлений века, прежде всего "совершённых в Советском Союзе". В действиях нацистов он усмотрел только реакцию на предшествующие "преступления большевиков", указав на "причинно-следственную связь" между "убийством по классовым соображениям" и "убийством по расовым соображениям". Таким образом, фашистский террор ставился в прямую зависимость от существования социалистического СССР, а тезисы Нольте позволяли освободить историю Третьего рейха из плена "мнимой

исключительности" и более или менее гармонично вписать в "общетоталитарное развитие" в XX в.

В позиции Э. Нольте и его единомышленников Ю. Хабермас увидел апологетические тенденции, типичные для западногерманской историографии новейшего времени. Цель историков, способствующих закреплению таких тенденций, Ю. Хабермас определил следующим образом: лишить нацистские преступления их исключительности, представив их лишь как ответ на угрозу уничтожения (сохраняющуюся и по сей день) со стороны большевиков, снять значение Освенцима как зловещего символа преступлений германского фашизма, превратить его лишь в техническое новшество, внедрение которого объясняется "азиатской" угрозой со стороны врага, всё ещё стоящего у наших ворот.

При определении виновников развязывания Второй мировой войны Нольте и его сторонники вытащили из идеологических запасников "остфоршунга" старый гитлеровский тезис о превентивной войне. В их интерпретации Сталин был представлен поджигателем мировой войны на Западе и на Востоке, а Гитлер – политиком, который вёл против Советского Союза превентивную войну. План "Барбаросса" и был таким превентивным ударом, позволившим одному агрессору, Гитлеру, опередить другого.

В отношении причин войны Э. Нольте был не менее категоричен: она в известной мере была случайной, но тем не менее в конечном счёте являлась неизбежной, поскольку ни одна из крупных концепций (фашизм и социализм/коммунизм) не смогла завоевать господствующего положения. По мнению Нольте, Вторая мировая война была "великим оборонительным предприятием европейского фашизма", а её важнейшей предпосылкой (и тем самым главной причиной войны и поводом для обороны) явилась победа большевистской революции в России в октябре 1917 г. Таким образом, германский фашизм и его преступления, прежде всего развязывание Второй мировой войны, предстают как производные от противоположной социальной системы.

В ходе "спора историков" Э. Нольте потребовал также восстановить в правах теорию тоталитаризма как базу для осмысления истории. Следует сказать, что эта доктрина возникла ещё до Второй мировой войны. В 1950–1960 гг. западногерманские консервативные историки, занимавшиеся восточноевропейскими

исследованиями, использовали её как главное идеологическое оружие в борьбе с СССР и другими социалистическими странами. Они, в частности, ставили на одну доску фашизм и коммунизм, чтобы релятивировать первый и дискредитировать второй. В ходе же дискуссии 1986–1987 гг. делались попытки представить коммунизм как самое большое зло, как главного врага и главную угрозу человечеству.

Таким образом, средством "нормализации" прошлого Германии стало очернение СССР и его истории, включая военный период. Э. Нольте и его сторонники заявляли, что для них превыше всего наука, а для неё нет запретных вопросов. Однако концепции Э. Нольте, рисующие новую историческую картину и призванные изменить историко-политическое мышление, конечно же, трудно рассматривать в отрыве от политики. Ю. Хабермас увидел в них стремление приуменьшить преступления Третьего рейха, чтобы освободить Германию от её исторического бремени и исторического долга. Примечательно, что такие "научные" цели вписывались в реальную политику ФРГ, лидеры которой, и в частности Г. Коль, были заинтересованы в преодолении негативных и связывающих последствий прошлого и прежде всего раскола Германии как платы за преступления национал-социализма.

Объединение Германии, хотя и произошедшее ценой признания границы по Одру и Нейсе и отказа от восточных областей рейха, стало для многих немцев символом окончания периода искупления вины, снятия унижительной инаковости немцев по сравнению с другими народами, обретения национальной нормальности. По данным 1992 г., большая часть немецкого общества (свыше 60 %) хотела бы подвести черту. Однако прошлое настигает теперь уже новые поколения немцев, не участвовавшие в преступлениях национал-социализма, но связанные с ними через свои семьи, отцов и дедов.

После "спора историков" прежняя ФРГ, а потом и объединённая Германия пережила ещё не одну дискуссию по отношению к нацистскому периоду своей истории и, по-видимому, ещё долго в этом вопросе не будет поставлена точка. Толчком для возобновления дискуссии служат памятные даты, например связанные с началом и окончанием Второй мировой войны, освобождением Освенцима; появление книг и фильмов, а также организация выставок,

проливающих новый компрометирующий свет на нацистский период; полемические выступления немецких историков, публицистов, политиков; выплаты компенсаций подневольным рабочим за использование немецкими фирмами их труда в период Второй мировой войны; недоверие к внешней политике Германии со стороны её соседей, переживших гитлеровскую агрессию.

В ходе регулярно возобновляющихся дискуссий сталкиваются два основных подхода в отношении к преступлениям нацизма.

С одной стороны, приходится констатировать высокомерие, сохраняющуюся "неспособность скорбеть", желание вытеснить и забыть нацистское прошлое как закончившуюся эпоху, не оказывающую влияния на политическое настоящее. Сторонники такого подхода рассматривают прошлое сквозь призму христианских догм, обещающих спасение и очищение от грехов; делают упор на страдания и жертвы немецкого народа; заявляют, что немцы уже заплатили по всем счетам; призывают прекратить заниматься самоистязанием; квалифицируют критику фактов нацистского периода как "целенаправленную кампанию", очередной спектакль, устроенный средствами массовой информации при подстрекательстве лиц, преследовавшихся при нацизме, "левой мафии" и т.д. Когда же обсуждение темы нацистского прошлого выходит на международный уровень, то немцы видят себя в роли жертв антигерманских настроений и предрассудков других наций.

С другой стороны, защищается точка зрения, в соответствии с которой каждое поколение немцев должно осмысливать прошлое, видя в нём не позор, а предпосылку духовной ориентации в настоящем и будущем, условия формирования собственной системы ценностей, которая может помочь и помогает избежать ошибок, а также не потерять из виду то, что прежде было сделано правильно. При этом "нормальность" понимается не как избавление от груза и бремени прошлого, а как принятие истории и осмысление её в настоящем. Сторонники данного подхода видят опасность для Германии в том, что в немецком обществе сформировались и действуют механизмы, которые мешают осмыслению нацистского периода и связанных с ним преступлений. Ибо в этом случае возникает нереалистичная картина прошлого как предпосылка нереалистичного и дезориентированного отношения к настоящему и будущему. Поэтому считается необходимым продолжать дискуссию

с носителями механического сопротивления, чтобы побуждать немцев к самокритическим размышлениям и осознанию своей ответственности.

Как показал "спор историков", важным средством сопротивления принятию своей исторической ответственности за трагедию Второй мировой войны является переключение внимания на другие темы и их абсолютизация, а также поиск и раздувание негативных периодов в истории других стран.

Бывшая ГДР, вошедшая в состав ФРГ в качестве новых восточных земель, стала полигоном и для политики унификации памяти о национал-социализме и Второй мировой войне и борьбы с тоталитарными режимами. При этом западные немцы выступали с позиций победителей, отводя своим восточным соотечественникам роль побеждённых.

В течение десятилетий воспоминания о Второй мировой войне и её историческое толкование в Западной и Восточной Германии были расколоты блоковым противостоянием в годы "холодной войны".

В Восточной Германии господствовал подход, в соответствии с которым война началась с захватом власти Гитлером и стоявшим за ним монополистическим капиталом и закончилась освобождением от национал-социализма в мае 1945 г. В западногерманской версии объявление войны Польше 1 сентября 1939 г. положило начало Второй мировой войне. Поскольку окончание её, ассоциировавшееся с поражением и капитуляцией, поставило много проблем, в частности, преодоление последствий военного краха, бегства и изгнания, то восприятие конца войны вышло далеко за пределы 1945 г.

В ГДР считалось, что решающий вклад в победу внёс Советский Союз, а преступления нацизма ассоциировались в первую очередь с агрессивной войной на Востоке и вызванными ею опустошениями. В Западной Германии, согласно официальной точке зрения, успешный исход войны обеспечили прежде всего США, а самым тяжким и исторически беспрецедентным преступлением был Холокост. Евреи, как отдельная категория жертв, в ГДР никак не упоминались, и никаких дискуссий о Холокосте здесь не было, не говоря о возмещении ущерба Израилю. Эту задачу взяла на себя Западная Германия в целях искупления вины и создания благоприятных

условий для интегрирования в западное сообщество (в соответствии с германо-израильским договором от 10 сентября 1952 г. Германия обязалась в течение 12 лет выплатить Израилю 3 млрд марок компенсации). Только весной 1990 г., когда вопрос об объединении Германии стал чисто техническим, парламент и правительство ГДР признали ответственность всей Германии за Холокост. Не имея средств на выплату компенсации Израилю, Восточная Германия открыла границы всем евреям, которые хотели эмигрировать из Советского Союза.

Каждое из двух немецких государств противопоставляло себя прежнему гитлеровскому режиму: ФРГ – как парламентская демократия западного образца, ГДР – как антифашистское государство народной демократии. Нападение Гитлера на СССР и организованная в Германии на базе коммунистического подполья освободительная борьба в поддержку Советского Союза были помещены в центр исторического воспоминания в ГДР. Здесь период национал-социализма рассматривался как чужая история и подразумевалось, что "первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян" и есть победитель диктатуры национал-социализма. Страдания гражданского населения и, в частности, разрушение Дрездена использовались, главным образом, как политический аргумент в "холодной войне": "Руинами наших городов и трупами, погребёнными под их развалинами, мы обязаны Америке и Англии. За то, что мы сохранили силы для жизни и восстановления страны, мы благодарны Советскому Союзу". Убитый нацистами лидер КПП Эрнст Тельман стал в ГДР культовой фигурой. Наравне с памятником жертвам фашизма на улице Унтер дер Линден в Восточном Берлине политическое значение приобрели символические могилы Неизвестному борцу Сопrotивления и Неизвестному солдату.

В ФРГ участники неудавшегося заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. противопоставлялись фюреру и его клике. Но делалось это с осторожностью, поскольку участники заговора воспринимались не как герои, а в большей степени как жертвы. Их провал привёл к уничтожению контрэлиты. Кроме того, существовало сомнение в отношении того, поддержал ли бы народ заговорщиков в случае их успеха.

Если в Восточной Германии в ходе денацификации была проведена радикальная замена национал-социалистской элиты, то

в ФРГ ничего сравнимого по масштабам не произошло и представители элит Третьего рейха снова вошли во власть. Героизации антифашистского сопротивления на востоке противостояло на западе культивирование образа немцев как пассивных страдальцев и жертв бессовестного и коварного руководства. Западные немцы видели себя жертвами поражения под Сталинградом, несчастными беженцами, спасавшимися от наступавшей Советской армии, жертвами оккупационных властей, политики изгнания ("Потсдамская травма"), бомбардировок, жертвами дьявольского мессии и его палачей, которые якобы побуждали изнасилованных и затерроризированных людей делать вещи, полностью чуждые их человеческой природе.

Если преодоление нацистского прошлого в Западной Германии было щадящим и растянутым во времени, то борьба с прошлым в ГДР осуществлялась в бескомпромиссном, жёстком, наступательном режиме, не терпящем пауз и промедления. Поскольку доктрина тоталитаризма позволяла сблизить гитлеровский тоталитаризм с гэдээровским, то в процессе анализа прошлого ГДР использовались те же критерии, что и после краха нацистского режима в 1945 г.: уголовно-правовое преследование преступников, их гражданская дисквалификация, а также компенсации жертвам. Хотя речь прежде всего шла о юридической и уголовно-правовой проработке прошлого ГДР как неправового государства, однако принятые акции затронули судьбы очень многих людей. Если в эру Аденауэра элиты Третьего рейха, за некоторыми исключениями, были интегрированы в структуры ФРГ, то элиты ГДР были практически полностью заменены представителями из западных земель и восточногерманских диссидентов. Для пожилых людей в 1990 г., как и в 1945 г., во второй раз пробил час "Ч".

Сразу же была создана парламентская комиссия, призванная заниматься "проработкой истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии". Примечательно, что этого в своё время не было сделано при сведении счётов с национал-социализмом. Политические лидеры тогда справедливо опасались, что народ, подвергнутый в массовом порядке осуждению, не примет новое государство, созданное в западных оккупационных зонах. В 1990 г. это мало беспокоило западногерманских политиков, поскольку объединение произошло не в результате создания нового государства на базе союза

ФРГ и ГДР и принятия новой конституции, а в процессе скорого поглощения ГДР на основе "правосудия победителей".

Основная борьба по преодолению гэдээровского тоталитаризма была сосредоточена на дискредитации восточногерманской службы государственной безопасности – "штази", деятельность которой была отмечена значительными успехами в ходе блокового противостояния Запада и Востока. Был открыт свободный доступ к архивным материалам "штази", исследование которых проводилось таким образом, чтобы укрепить представление о ГДР как о "неправовом государстве" и "государстве доносчиков". Такой обобщающий вердикт вынесла 8 мая 2009 г. канцлер ФРГ А. Меркель. Такие оценки до сих пор больно бьют по чувству собственного достоинства бывших граждан ГДР, которые видели в своей потерпевшей крах стране отнюдь не только неправовое государство и диктатуру.

Меры, предпринимаемые немецким правительством (создание специализированных институтов по проработке прошлого ГДР, открытие новых исторических музеев, мемориалов жертвам политических преследований в ГДР и т.д.), направлены на то, чтобы унифицировать восприятие Второй мировой войны в объединённой Германии на базе западногерманских канонов и переформатировать память о ГДР и советской оккупационной зоне в Германии. Следует сказать, что процесс этот развивается сложно, поскольку обещания Г. Коля о будущих "цветущих ландшафтах" в восточных землях так и не сбылись, а социально-экономического и человеческого сближения между западом и востоком так и не произошло. Более того, гэдээровская СЕПГ вначале успешно трансформировалась в ПДС (Партию демократического социализма), а затем в Левую партию. Она стала не только народной партией на востоке, но и распространила своё влияние на западные земли ФРГ. Сегодня левые выступают не только политической оппозицией, но и оппозицией в отношении перетолковывания истории Второй мировой войны в духе консервативных сил.

Важным направлением консервативного перетолковывания ответственности немцев за трагедию Второй мировой войны по-прежнему остаётся культивирование образа немцев как жертв в художественной литературе, средствах массовой информации, в заявлениях и инициативах политиков. В фильме "Закат" (2004 г.)

жертвой был представлен сам Гитлер – жертвой своих иллюзий и заблуждений, но также перемены военного счастья, политического предательства и человеческого одиночества.

Во всяком случае, немцы, воспринимавшие себя жертвами, не встречают сочувствия у своих соседей, а, напротив, вызывают подозрительность и недоверие. Ибо немцы даже в роли жертв отнюдь не безобидны. Хотя немецкие беженцы и изгнанные из восточных областей рейха, из Судетской области давно успешно интегрировались в политическую и хозяйственную жизнь ФРГ, здесь по-прежнему действуют политические организации изгнанных и их потомков, финансируемые из государственного бюджета. Проблема изгнания по-прежнему не сходит со страниц немецких средств массовой информации. По инициативе председателя Союза изгнанных, депутата бундестага от ХДС Эрики Штайнбах планируется учреждение в Берлине фонда "Бегство, изгнание, примирение" (первоначальное название – Центр против изгнаний), чтобы сохранить историческую память о страданиях изгнанных и продвигать вперед примирение с поляками. Эта инициатива стала камнем преткновения в германо-польских отношениях из-за разного толкования Второй мировой войны. Если для Э. Штайнбах Вторая мировая война – это изгнание немцев с родины, то для поляков – изгнание из жизни, массовая смерть. Если поляки, считая себя "нацией жертв", признают, что некоторые из них были соучастниками преступлений, например уничтожения в 1941 г. нескольких сотен евреев в деревне Едвабне, то немцы из "нации преступников", каковой их считают поляки, всё больше и больше обращаются к роли жертв. В связи с этим польская сторона считает бессмысленными перманентные препирательства по поводу инициативы Э. Штайнбах и приняла решение о создании в Гданьске музея Второй мировой войны. Тем не менее актуализацию темы изгнания журнал "Шпигель" квалифицировал как возвращение к исторической нормальности.

В процессе "возвращения к исторической нормальности" получает поддержку тезис Г. Коля о том, что семисотлетняя история и культура немецкого Востока (т.е. территорий восточнее Одера и Нейсе, утраченных по итогам Второй мировой войны) являются составной частью наследия всего немецкого народа, которое для немцев важно сохранить. В этом контексте рассматривается и акт

изгнания, которое интерпретируется не только в морально-этическом, но и правовом аспекте. При этом акцент делается на несправедливость (вне зависимости от предшествовавших преступлений немцев), а значит, и незаконность этой акции, которая сегодня не вписывается в нормы и принципы ЕС, касающиеся прав человека. Настойчиво и терпеливо, как это могут делать только немцы, предпринимаются меры, с тем чтобы сломить сопротивление Чехии и Польши, отказывающихся аннулировать декреты Э. Бенеша и Б. Берута, которые в условиях европейской интеграции остаются последними преградами реализации права изгнанных на потерянную родину. Одновременно широко применяется тактика наведения мостов (установление устойчивых контактов с теперешними владельцами утраченной собственности на прежней родине) в условиях наращивания экономической и информационной экспансии Германии в Центральной и Восточной Европе. В этот процесс оказалась втянутой и Калининградская область – российский эксклав в европейском политическом, экономическом и правовом пространстве. Чем дальше будет затягиваться экономическое возрождение России, тем больше преуспеют немцы, стремящиеся изменить ситуацию через "сближение" и создать предпосылки, под которые можно подвести правовую базу.

Непреходящий интерес к проблеме изгнанных, которая рассматривается как часть общенемецкой судьбы, сообщает сильный импульс размышлениям о судьбе Пруссии. По-прежнему основными идеологами воссоздания Пруссии выступают землячество "Восточная Пруссия" и организация "Свободное государство Пруссия" в изгнании. В то же время празднование в 2001 г. "Года Пруссии" в Германии показало, что эти маргинальные организации не одиноки в своём интересе к теме Пруссии, а распространяемые ими идеологические установки (например, о тенденциозности исторических оценок прусского государства или о спорности его ликвидации в историческом и международно-правовом отношениях) не чужды многим немцам. Интерес к темам изгнания и Пруссии вписывается в контекст "Потсдамской травмы" и может рассматриваться как подспудное стремление переломить *статус-кво*, сложившийся на основе Потсдамского соглашения.

И всё же, следует подчеркнуть, растянувшийся во времени процесс осмысления немцами истории Второй мировой войны

далеко не однозначен. Он, конечно, не сводится к абсолютизации подходов, позволяющих немцам говорить о себе как о жертвах. Со сменой поколений, когда уже "внуки" приступили к проработке нацистского прошлого своих дедов, разрушаются прежние мифы, постепенно исчезают белые пятна в восприятии войны. Историческая картина становится более чёткой и в то же время более мрачной. Осмысление её требует мужества и ответственности. Она не вписывается в установки нормализации прошлого, и потому по-прежнему срабатывают старые механизмы сопротивления.

Однако правда о войне становится более доступной для тех, кто хочет её знать. Так, в Западной Германии в течение десятилетий вермахт преподносился как не запачканный участием в преступлениях нацизма, а такие темы, как блокада Ленинграда, массовое уничтожение людей на Востоке, гибель трёх миллионов советских солдат в немецких лагерях для военнопленных оставались практически неизвестными. Устрашающая правда о "войне на Востоке" вызывала отторжение у западногерманских историков. Немецкий философ Т. Адорно констатировал, что в западногерманском обществе, далеко за пределами "круга неисправимых", жива тенденция "оправдания задним числом агрессии Гитлера против Советского Союза". Усматривая в этом опасный симптом коллективного "политического невроза", Адорно предупреждал, что забвение "нежелательного" прошлого "чересчур легко переходит в оправдание забываемых событий". В то же время отмеченная Адорно тенденция забывать и оправдывать забываемые события всё же не стала определяющей в отношении немцев к войне на Востоке.

Во второй половине 90-х гг. Институтом социальных исследований (г. Гамбург) была организована передвижная документальная выставка "Преступления вермахта", развеивающая привычные представления о "чистом вермахте". Это был прорыв: общественности показали преступный характер развязанной Гитлером войны. В первом варианте экспозиции (1995–1999 гг.) главное внимание было уделено фотографиям, запечатлевшим прямое участие солдат и офицеров вермахта (наряду с палачами СС и СД) в массовых казнях на оккупированных территориях СССР. Важно отметить, что организация такой выставки потребовала больших усилий со стороны её организаторов, была связана со значительным общественным напряжением и послужила поводом для очередной дискуссии.

Во втором варианте экспозиции (2000–2004 гг.) основной акцент был сделан на презентацию исторических документов (в частности, директив командования вермахта), касающихся подготовки и ведения агрессивной войны против Советского Союза и криминального характера оккупационного режима. Особый раздел был посвящён блокаде Ленинграда.

Тема блокады Ленинграда получила дальнейшее развитие на выставке, организованной Германо-российским музеем в Берлине (июнь – сентябрь 2004 г.) и Гамбурге (январь 2005 г.). Один из её посетителей подтвердил, что в Германии преступные факты блокады Ленинграда длительное время замалчивались. Он, в частности, сказал: "Мне кое-что известно о России, Москве и Санкт-Петербурге – об их истории, об их сегодняшнем дне. Но до сих пор я не представлял себе всей бесчеловечности Ленинградской блокады. А у "среднего немца" с этим понятием вообще ничего не связано".

В разработку темы варварского характера агрессии против СССР и осады города на Неве включились представители "внуков" солдат вермахта, в частности Й. Хюртер (1966 г. рождения) и Й. Ганценмюллер (1969 г. рождения). Однако с учётом завесы молчания вокруг данной проблематики усилий этих историков, по-видимому, недостаточно. Это подтвердил и Й. Ганценмюллер. "Я надеюсь, – сказал он, – что о блокаде будет написано больше. Как и прежде, это событие всё же не занимает в здешнем историческом сознании того места, которое оно заслуживает".

В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что чувство ответственности немецких элит за развязывание Второй мировой войны во многом противоречиво, оппортунистично и далеко от искреннего покаяния. Оно до сих пор несёт на себе печать формально проведённой денацификации в западных зонах оккупации; раскола Германии и превращения ФРГ и ГДР в форпосты Запада и Востока в годы "холодной войны"; поражения СССР, а вместе с ним и ГДР в идеологическом и пропагандистском противоборстве с Западом; длительного замалчивания неудобных фактов, касающихся войны на Востоке; культивирования образа немцев как жертв; нежелания смириться с территориальными потерями, явившимися следствием поражения Германии во Второй мировой войне.

К вопросу об исторической ответственности бывших союзников Гитлера

При проведении авантюристической политики территориальных захватов и передела сфер влияния Гитлер, безусловно, нуждался в союзниках. Германия не могла бросить вызов СССР, Великобритании, США, полагаясь только на свой потенциал – географический, ресурсный, демографический. Кроме того, учитывая опыт Первой мировой войны, Германия исключала для себя ведение войны на два фронта, но считала целесообразным создать такую ситуацию для своих противников. Все эти задачи решались с помощью союзников. Их территории увеличивали геостратегический наступательный потенциал Третьего рейха, а природные ресурсы, экономика, население и армии были поставлены на службу военным целям Гитлера. Кроме того, союзники могли отвлечь на себя часть вооружённых сил противника и обеспечить тем самым более благоприятные условия для действий немецких войск.

В немецкой историографии правоконсервативного направления, исследующей причины поражения вермахта, содержится много критики и даже унижительных высказываний в адрес "братьев по оружию", вплоть до обвинений в измене. Эти негативные оценки, конечно, не отменяют вины бывших членов гитлеровской коалиции за развязывание Второй мировой войны и совершённые в её ходе преступления. Ведь в расчёте на их лояльность и поддержку Гитлер разрабатывал свои планы "завоевания жизненного пространства".

Что касается осознания бывшими союзниками по гитлеровской коалиции своей моральной и исторической ответственности за развязывание войны, то на этот процесс оказывало и оказывает влияние большое число факторов.

Решения международных процессов в Нюрнберге и Токио.

В рамках вынесенных обвинений они определили главных военных преступников и основные страны (Германия, Япония, Италия), ответственные за "совместный заговор против мира" и "вовлечение человечества в кровопролитный мировой конфликт". На этом фоне роль других стран отходила на второй план и в большей степени была подвержена забвению.

Обстоятельства выхода из войны. Страны, перешедшие на сторону антигитлеровской коалиции и принимавшие участие

в войне с Германией на завершающих её этапах, могли рассчитывать на более взвешенные и компромиссные оценки своего прежнего военного альянса с Гитлером.

Наличие движения Сопротивления в странах – членах гитлеровского блока. Особый акцент на военно-патриотические аспекты Сопротивления нес в себе определённый реабилитирующий момент: ответственность перекладывалась на прогитлеровский режим, т.е. на сравнительно небольшой круг людей.

Послевоенный раскол мира на враждебные западный и восточный блоки. Этот фактор ослабил внимание к фашистскому периоду в истории бывших гитлеровских сателлитов и выдвинул на первый план необходимость консолидации сил внутри каждого блока. Поэтому в сфере влияния Запада денацификация была проведена формально, а в социалистическом лагере неудобные факты в истории стран, теперь считавшимися антифашистскими и дружественными, просто замалчивались.

Характер отношений СССР с бывшими союзниками Германии из числа капиталистических стран. Выбор ими нейтрального статуса (Австрия, Финляндия) и/или налаживание интенсивного торгово-экономического сотрудничества с Советским Союзом (Финляндия, Италия) обуславливали более комплиментарный подход к их прошлому в нашей стране и понижали градус идеологической и научной конфронтации с ними по проблематике Второй мировой войны.

Утвердившийся в западной историографии удобный для малых стран подход, в соответствии с которым они являются объектом действий крупных держав и вынуждены лишь маневрировать между субъектами мирового процесса, не отвечая за их политику.

Дезинтеграция СССР, развал Организации Варшавского договора, так называемое "возвращение в Европу" центрально- и восточноевропейских стран, а также к императивам национального развития. В этих условиях предпринимаются попытки перетолковывания истории Второй мировой войны и роли в ней СССР путём выдвигания в центр дискуссии вопросов, поставленных в ходе "спора немецких историков" в 1986–1987 гг. Была ли война Гитлера против СССР превентивной? В какой степени Советский Союз выступил как освободитель? Не был ли он только новым завоевателем? Можно ли сравнивать советскую вину с виной

национал-социалистов? Можно ли ставить на одну доску ГУЛАГ и нацистские концлагеря? Как и в "споре историков" в Германии, в обращении к темам, подвергающим сомнению освободительную миссию Советской армии, можно увидеть стремление умалить вовлечённость собственной страны в преступления национал-социализма и представить её в качестве жертвы "советской угрозы" и "советского экспансионизма".

О присутствии чувства исторической ответственности у элит в странах – бывших сателлитах Третьего рейха можно судить по их отношению к политическим лидерам (вождям), приведшим свои страны в стан Гитлера.

Следует сказать, что после бархатных революций повсюду в странах Центральной и Восточной Европы, раньше принадлежавших к лагерю социализма, наблюдается возвращение к посткоммунистическому осознанию своей национальной истории, в том числе в межвоенный период 1919–1940 гг. В ходе пересмотра отношения к прошлому происходят символические перезахоронения национальных лидеров, разрушаются старые (времен социализма) и возводятся новые исторические памятники, вводятся другие праздники. Так, новое захоронение венгерского адмирала Миклоша Хорти, правившего в Венгрии в 1920–1944 гг., установка памятников Йозефу Пилсудскому в Польше, Йозефу Тисо в Словакии, Иону Антонеску в Румынии, Палу Телеки в Венгрии свидетельствуют не только о следовании заявленной преемственности по отношению к докоммунистическому периоду в жизни этих стран, но и о развёртывании тенденции нормализации страниц истории, связанных с этими именами. Основным критерием, который позволяет сегодня поместить ту или иную личность в пантеон исторической памяти, является их антикоммунистическая позиция. Поскольку в советскую эпоху всех антикоммунистов причисляли к фашистам, то действительно фашистское прошлое национальных политиков теперь больше не является помехой для их исторического возвышения, а сами политики воспринимаются трагическими жертвами трудного предвоенного времени. Между тем большая опасность для дальнейшего развития этих стран заключается в том, что позитивную оценку получают даже представители правых экстремистов – и только благодаря их антикоммунистической позиции.

Важно отметить, что от отношения к коммунистическому периоду в истории соответствующих стран во многом зависят и их оценки роли СССР в ходе Второй мировой войны, а значит, и связанные с ней исторические интерпретации. Во всяком случае, появление в дискурсе бывших стран народной демократии вопросов, поднятых немецкими историками, не облегчило и не обеспечило посткоммунистической консолидации их обществ. Напротив, это явилось фактором, создавшим новую напряжённость и новый раскол.

Согласно репрезентативному опросу, проведённому по случаю празднования 60-летия окончания Второй мировой войны в 2005 г., венгерское общество раскололось на три лагеря. Приблизительно одна треть населения считала, что СССР действительно освободил Венгрию; ещё одна треть утверждала, что это была оккупация; для остальных же ни "освобождение", ни "оккупация" не были терминами, адекватно отражающими суть произошедшего. Этот же опрос дал разбивку по партийно-политическому признаку. Так, 43 % представителей партии социалистов и даже 51 % их младшего партнёра по правительственной коалиции – либералов выступили в поддержку тезиса об освобождении Венгрии Советской армией. Напротив, 41 % представителей оппозиционной консервативной партии молодых демократов поддержали тезис об оккупации.

Можно предположить, что часть венгерских элит, воспринимающая миссию Советской армии в Центральной и Восточной Европе как освободительную, более склонна и к критическому анализу прошлого своей страны, включая период, когда Венгрия следовала в фарватере политики нацистской Германии. Что же касается осознания вины, то в свете вышерассмотренных факторов гораздо легче уйти от вины, чем признать её. К тому же чувство вины и ответственности плохо вписывается в реальности современной Венгрии, когда в контексте национальных ценностей и национальных утрат заново прочитывается история, когда идёт поиск "козлов отпущения" за действия лидеров и пережитые национальные трагедии. То, что коммунизм и СССР всё же не стали ими в полной мере и в этой роли не явились фактором, обеспечивающим посткоммунистическую консолидацию общества, свидетельствует о неоднозначности процесса осмысления истории Второй мировой войны в Венгрии.

Этот вывод может быть распространён и на другие бывшие страны народной демократии.

Что касается Японии, то попытки оправдать главных японских военных преступников предпринимались здесь сразу же после окончания Второй мировой войны, хотя, согласно обвинениям Международного трибунала в Токио, Страна восходящего солнца до 1943 г. не только планировала вести агрессивную войну против Советского Союза, но и продолжала активную подготовку к такой войне. В то же время историография японо-советских отношений 1939–1941 гг. представляет собой весьма противоречивое явление. С одной стороны, в Японии к настоящему времени вышло в свет немало документальных публикаций и трудов, в которых раскрывается авантюристический, агрессивный курс милитаристской Японии по отношению к СССР. С другой, чрезвычайно активно в Японии действуют историки консервативного направления, которые стремятся обелить агрессивную политику японского руководства в рассматриваемый период, представить его мероприятия по подготовке нападения на СССР всего лишь мерой безопасности, обусловленной необходимостью укрепления обороны перед лицом нависшей с севера "советской военной угрозы". Тем самым они стараются оправдать развёртывание Квантунской армии в Маньчжурии, которое поставило Советский Союз перед необходимостью выделить значительную группировку для охраны своих дальневосточных рубежей, вместо того, чтобы сосредоточить все силы на советско-германском фронте в самый тяжёлый начальный период Великой Отечественной войны. Цель предпринимаемого искажения советско-японских отношений в период Второй мировой войны очевидна: изменить в целом представление послевоенного поколения японцев о прошедшей войне, снять с японского милитаризма ответственность за преступления в Азии и на Тихом океане.

Отношение к целям, которые союзники Гитлера хотели достичь, включившись в его завоевательные походы, также может рассматриваться в качестве индикатора осознания ими своей ответственности за развязанную Вторую мировую войну. Как было показано, эти цели сводились к расширению своих национальных границ путём участия в территориальных захватах и последующем дележе добычи.

Венгрия вследствие обеих мировых войн потеряла две трети своей государственной территории и более трети венгров оказались национальными меньшинствами в других странах. При вступлении в НАТО и ЕС Венгрия признала существующие в Европе границы. Вместе с тем понесённые территориальные потери до сих пор отзываются болью в национальном сознании многих венгров, особенно тех, кто придерживается консервативных убеждений. И в этом контексте, конечно, больше места для восприятия себя жертвой, а не одним из виновников трагедии Второй мировой войны.

Несмотря на добрососедские российско-финляндские отношения и отсутствие на официальном уровне территориальных претензий друг к другу, часть финских элит по-прежнему зарится на Карелию. Во всяком случае, тема Карелии регулярно всплывает в политических дискуссиях, особенно в кругах правоконсервативного направления.

Правящие круги Японии взяли на вооружение концепции, активно разрабатываемые консервативными историками, и предъявляют территориальные претензии сегодняшней России. Одна за другой следуют шумные кампании за "возвращение северных территорий".

В Румынии, оккупировавшей во время Второй мировой войны территории между Бугом и Днестром и создавшей губернаторства "Бессарабия" и "Транснистрия", по-прежнему актуален "бессарабский вопрос". В советское время толчком для румынского ирредентизма послужили территориальные уступки Н. С. Хрущёва Финляндии и Китаю, передача Крыма Украине, а также смягчение его позиции в вопросе о принадлежности островов Курильской гряды. С 1989 по 1991 г. Румыния получила шанс для объединения с Молдавией. К нему она была готова идеологически и теоретически, но не экономически, как это было, например, в случае с Германией. Будь она таким же мощным и богатым государством, как ФРГ, она поглотила бы Молдавию так же легко и быстро, как это в 1990 г. сделала ФРГ в отношении бывшей ГДР. Националистические силы Кишинёва исходят из того, что время работает на молдавско-румынское объединение. В то же время целям Румынии противостояла и противостоит альтернатива строительства самостоятельной молдавской нации, а также непримиримая позиция

населения Приднестровья, провозгласившего Приднестровскую Молдавскую Республику.

В позициях Японии и Румынии наводит на размышления то обстоятельство, что притязания обоих государств распространяются на исторические территории России/СССР – государства, в развязывании войны против которого они принимали самое деятельное участие. Позицию Японии и Румынии можно квалифицировать не только как направленную на пересмотр итогов Второй мировой войны, но и как свидетельство забвения и уроков истории, и своей ответственности.

* *
*

История Второй мировой войны остаётся фронтом острейшей идеологической, научной и информационно-психологической борьбы. Важным направлением этой борьбы является осмысление элитами побеждённых стран – Германии и её бывших союзников своей ответственности за развязывание Второй мировой войны.

В Германии процесс осмысления нацистского периода как первопричины войны развивается крайне противоречиво и неоднозначно. В течение 40 лет он проходил в условиях разделённой нации и существования двух немецких государств – ФРГ и ГДР, превращённых в годы "холодной войны" в форпосты противостоящих враждебных блоков – западного и восточного. Это обусловило разные подходы к трактовке проблематики Второй мировой войны. На западе доминировала позиция США и "нового" немецкого истеблишмента, интегрировавшего бывшие элиты нацистской Германии. На востоке утвердились подходы СССР, антифашистского движения, немецких коммунистов.

Примечательно, что в послевоенный период и ФРГ, и ГДР удалось уклониться от осознания общенациональной вины и ответственности. В ФРГ в ходе формально проведённой денацификации вся тяжесть ответственности была возложена на Гитлера и его ближайшее окружение, т.е. главных виновников, в отношении которых Международный трибунал в Нюрнберге вынес свои обвинительные заключения. Все остальные были признаны "попутчиками", вынужденными выполнять чужую волю. Не удивительно, что государству, в котором большинство граждан были такими "попутчиками",

в течение длительного времени удавалось уклоняться от углублённого осмысления нацистского периода, предпринимать попытки не только поиска благополучной истории, но и "нормализации" периода национал-социализма. На первый план было выдвинуто не освобождение от национал-социализма, а поражение в войне и связанная с ним для каждого западного немца общенациональная и личная трагедия.

В отношении ГДР следует подчеркнуть, что она создавалась как антифашистское государство. Поэтому она отказывалась идентифицировать себя с преступлениями Третьего рейха, видела себя антиподом ФРГ, где, как утверждала восточногерманская пропаганда, притаился фашизм.

Западногерманские элиты были вынуждены обратиться к проработке нацистского прошлого только после 1967 г. Это было сделано под давлением послевоенного поколения "детей", потрясённого фактами процессов по Освенциму и другим нацистским концлагерям. Поворот к осмыслению проблем, связанных с нацистским периодом, проходил в условиях возникающих противоречий между "обязанностью помнить" и "страхом вины". Данное противоречие было снято формированием ритуально-риторической культуры воспоминания, явившейся частью процесса забывания и требовавшей адекватной символики: памятных речей, открытия мемориалов и монументов, символических жестов и т.д. Следуя таким конформистским ритуально-риторическим нормам, западногерманские элиты стремились доказать внешнему миру, что ФРГ извлекла уроки из прошлого и их государство стало другим.

Формальный и демонстративный характер таких акций подчёркивался усилением тенденции подмены стереотипов восприятия немцев путём превращения их из виновников трагедии Второй мировой войны в жертв, в частности: жертв поражения под Сталинградом, англо-американских бомбардировок немецких городов, безоговорочной капитуляции Германии, произвола оккупационных властей, раскола Германии, утраты восточных областей рейха и изгнаний немцев из регионов их многовекового проживания. Данная тенденция, актуальная по сей день, может свидетельствовать не только о подмене причины следствием, но и о продолжающемся уклонении от осознания ответственности. В этот же процесс вписывается и "спор историков", переключивший

вниманию оценку роли СССР во Второй мировой войне путём продвижения версии о "превентивной войне" и ссылок на теорию тоталитаризма, ставящую на одну доску Гитлера и Сталина, национал-социализм и коммунизм.

Объединение Германии стало для многих представителей немецких элит и общественности символом искупления вины. Ведь было преодолено разделение страны и народа, сняты последние ограничения суверенитета. В этих условиях в центр проработки прошлого выдвигается понятие "национальной нормальности". Оно означает преодоление германским государством негативных и связывающих последствий нацистского прошлого и отказ от прежних самоограничений во внешней политике.

В процессе объединения Германии приходилось преодолевать не только политические и социально-экономические различия между Западом и Востоком, вызванные 40-летним расколом страны, но и мировоззренческие нестыковки в восприятии нацистского периода и Второй мировой войны. В ходе дискредитации гдээрковского режима и сформировавшихся при нём элит была предпринята попытка унификации общего восприятия истории на базе трактовок, принятых в ФРГ. Превращение в этих условиях Лево́й партии (правопреемницы коммунистической СЕПГ) в реальную политическую силу в восточных землях свидетельствует о неоднозначных результатах унификаторских усилий. Примечательно, что именно в объединённой Германии стали возможны (хотя и не без общественного напряжения) документальные выставки о преступлениях вермахта на Восточном фронте, а также фотовыставки и книги, посвящённые блокаде Ленинграда. В то же время эти попытки приподнять завесу молчания о преступной войне на Востоке остаются пока лишь каплей в море. Приходится констатировать, что в результате приглушённого звучания этих тем в ФРГ в течение длительного времени средний немец не имеет представления о размерах бедствий, постигших Советский Союз в ходе гитлеровской агрессии. По-прежнему Холокост заслоняет сопоставимые по масштабам преступления на Востоке, и преобладает точка зрения, согласно которой освобождение пришло не с Востока, а с Запада, и главным образом США внесли решающий вклад в победу антигитлеровской коалиции. То есть позиция США довлеет над восприятием немцев и обуславливает избирательный характер чувства ответственности

и тенденциозность трактовок по ключевым вопросам Второй мировой войны.

Если в Германии – главном зачинщике Второй мировой войны чувство ответственности (которое сродни покаянию) изначально отсутствовало, а затем подменялось ритуально-риторическим суррогатом, то что говорить о бывших союзниках Третьего рейха.

Из их числа только Япония и Италия не избежали международного осуждения. Однако довольно скоро они "нормализовали" свой международно-политический имидж. Япония – превратившись после американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в жертву и выдвинувшись в ходе хозяйственного бума в лидеры мировой экономики. Италия – благодаря хозяйственным достижениям, политической гибкости и притягательной силе своей культуры.

Малые страны Центральной и Восточной Европы, несмотря на то, что побывали в сателлитах у Гитлера, легко ушли от осознания ответственности, заняв антифашистскую позицию и интегрировавшись в восточный социалистический блок. Затем в 1989–1990 гг. они пережили "возвращение в Европу" и к своим национальным корням, которые обрели, следуя националистическим императивам и перетолковывая в соответствии с ними период своего нахождения в фарватере политики нацистской Германии. Сегодня правоконсервативные элиты этих стран активно включились в международную дискуссию о роли СССР во Второй мировой войне. Они во многом способствовали, выставляя себя жертвами "советского экспансионизма и тоталитаризма", переключению общественного внимания с главного виновника войны – Германии на "преступления" СССР, который в соответствии с доктриной тоталитаризма и тезисами "спора историков" выставляется чуть ли не большим злом, чем нацистская Германия.

Учитывая нацистское прошлое этих стран, неослабевающую тягу к территориальному расширению за счёт соседей и авантюризм внешней политики (Румыния, например, готова разместить элементы американской ПРО на своей территории), представляется целесообразным отказаться от послаблений в оценках их роли в развязывании Второй мировой войны, которые раньше СССР делал из политических соображений. Этого требуют не только интересы борьбы с фальсификациями истории Второй мировой войны, но и историческая объективность.

**По вопросам приобретения изданий института
обращаться по телефону:**

8(499) 747-93-38 (Книжная лавка)

**Типография
Российского института стратегических исследований**

предлагает следующие услуги:

- редактирование и корректирование рукописей;
- изготовление электронных макетов изданий;
- тиражирование;
- цифровую печать.

Справки по телефонам:

8(499) 747-93-35

8(495) 454-92-64

Сайт в Интернете: www.riss.ru

Адрес эл. почты: mail@riss.ru

Воробьёва Людмила Михайловна

**О трансформации
чувства исторической ответственности политической элиты
и общественности Германии и её бывших союзников
за развязывание Второй мировой войны**

Аналитические обзоры РИСИ

№ 1 (24)

Сдано в набор 26.03.2010. Подписано в печать 01.04.2010.

Формат 62x94/16. Бумага офисная.

Гарнитура Minion Pro. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. 2,66. Физ.-печ. л. 13.

Тираж 200 экз. Заказ № 04/10.

Отпечатано в типографии РИСИ.

125413, г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б.